

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

НАТАЛЬЯ СОБОЛЕВА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Светская вера как феномен субъективной реальности: современное состояние и тенденции изменений

Abstract

In the article, secular faith is regarded as phenomenon of subjective reality and individual self-determination related to mental and ethic life in particular. There is discussed the current state and tendencies of collective ideas presented in the public consciousness on the threshold of the new millennium. Special attention has been given to the nature, state and functions of social beliefs and stereotypes of the contemporary society, as well as to correlation between new aims and priorities and corresponding new images of the world and life realization models.

Рассматривая коллективные представления, функционирующие в массовом сознании на рубеже тысячелетий, особое внимание следует уделить изучению природы, состояния и функций социальных верований и стереотипов, существующих в современном обществе, взаимосвязи новых целей и приоритетов со способами конструирования образа мира и моделями жизнеосуществления. От того, как именно субъект оценивает исторический фон своей жизни, что составляет и что перестало для него быть предметом веры, зависит и формирование его жизненных целей, перспектив и в целом

системы мировосприятия, и ответы на смысложизненные вопросы, и оценка новых жизненных возможностей, открывающихся перед ним, и, наконец, степень самореализации субъекта.

Наиболее рельефно социальный подтекст исторической хронологии проступает на рубеже эпох, когда прошлое и будущее одновременно как бы вплавлены в настоящее время, а формально-календарная дата — рубеж столетий, переход в новое тысячелетие — становится точкой отсчета целовеческой истории, наполняясь для человека особым смыслом. На грани второго и третьего тысячелетий одновременно действуют старые, новые и промежуточные формы социального регулирования, усиливается роль чувственных факторов сознания и поведения. Разрушаются идолы слепой массовой веры, уходит в небытие тотальный страх как детерминанта социального поведения, однако не исчезает вера как фактор самоопределения человека в духовной и этической сферах жизни. Как отмечает французский социолог Д.Эрвье-Леже, мировой тенденцией, присущей современному обществу, выступают явления рекомпозиции верований. “Недавние проявления “религиозного возрождения” не противоречат тому, что уже было сказано о масштабах секуляризации. Они позволяют по-новому взглянуть на сам феномен секуляризации: это не просто уход религии из рационализованного общества, но процесс разложения и восстановления религиозного в рамках более широкого явления перераспределения верований в обществе, в котором неуверенность (если исходить из приоритета изменений и инноваций) является структурным условием” [1].

Вера является категорией, обозначающей личностное свободное самоопределение человека относительно духовного и этического измерений жизни. Именно в вере концентрируется и воплощается то, что определяет направленность человеческой жизни, взгляды и поступки личности; то, что заставляет ее добровольно руководствоваться теми или иными ценностями, нормами, предписаниями.

Во избежание недоразумений, сразу же подчеркнем, что категория веры имеет по крайней мере два значения: верить и веровать, согласно которым нужно различать веру как родовой атрибут человеческой психологии и веру религиозную. Верят во что-нибудь все без исключения люди, тех же, кто верует, немного, и называют их, соответственно, верующими. Поэтому мы считаем целесообразным развести понятия **веры** и **верования** следующим образом. Первое из них несколько шире и однозначно не связано с верой в Бога или в некий пантеон божеств. Психологический механизм веры является необходимой составляющей сознания; перебрасывая мостик над пропастью между знанием и непознанным, он позволяет человеческому сознанию из совокупности истин и ошибок, рациональных знаний и предрасудков выстраивать более или менее согласованную мировоззренческую картину. Второе понятие — верования — напрямую связано с религиозной ориентацией и убеждениями, конфессиональной принадлежностью и т.п. “Верить” в религиозном значении этого слова значит принимать религиозные истины всей душой, сердцем, без малейшего сомнения и скепсиса. Тайна, авторитет и чудо — вот “три кита” религиозной веры. А чудо исчезает при любой попытке объяснить его с помощью рациональных способов. Не случайно Библия содержит многочисленные ссылки на то, что умножающий познание умножает человеческую скорбь, что стремление к познанию свя-

зано с ересью и скепсисом. Иными словами, там, где есть религиозная вера, не нужны доказательства, а там, где требуют таких доказательств, где появляются сомнения, — там нет веры в ее религиозном смысле. По словам Р.Эмерсона, вера заключается в признании доводов души; неверие — в их отрицании.

Верования как долговременные и устойчивые психологические образования, сохраняющие свое влияние в течение многих столетий и служащие основой многих цивилизаций, нужно отличать от убеждений. Последние, по сравнению с верованиями, непостоянны и не столь долговременны, поскольку возникают преимущественно на основании общих понятий, теорий, учений, парадигм, действие которых ограничивается относительно коротким историческим периодом: месяцами, годами, десятилетиями, как минимум — эпохой. К первым можно отнести, например, идеи христианства, Реформации, а в наше время — принцип национализма, демократические и некоторые другие социальные идеи, веру в прогресс. Вторые выражают идеи и теории, носящие преимущественно частный характер; они определяют отдельные направления в искусстве, науке, политике, нередко превращаясь в объект своеобразной моды. В качестве примера можно упомянуть о жарких дискуссиях относительно перспектив общественного развития среди приверженцев западных идей и славянофилов, которые во многом определяли специфику духовной атмосферы в среде российских интеллектуалов в XIX и в начале XX века. Кстати, этот исторический спор продолжается; государства, образовавшиеся в пределах постсоветского пространства, в том числе и Украина, оказались перед выбором, в каком направлении двигаться дальше — то ли ориентироваться на образцы развитых западноевропейских государств, то ли вновь искать собственный оригинальный путь.

Собственно больших религий, по сравнению с бесчисленным множеством производных культов и сект, не так уж много, так же, как и общих верований, являющихся для человечества в целом и для отдельных народов в частности кульминационными пунктами их истории. Внушение толпе зрелых мнений или их развенчание — задача не очень сложная в современном обществе, где благодаря развитой системе средств массовой информации решение подобных проблем доведено до уровня технологии. Смена устойчивых верований чаще всего происходит в ходе бурных революций и лишь тогда, когда эти верования практически исчерпали свой смысл и поддерживают свое существование благодаря внешним, ритуальным формам. Революции сметают то, что утратило жизнеспособность; поэтому начало любой революции знаменует конец какого-либо верования. Однако институты и учреждения, основанные на прежнем веровании, могут долго сохранять свою силу. Народ может изменить свои верования только при условии существенного изменения определяющих элементов данной цивилизации. И пока новые верования, придающие определенную направленность идеалам и мифотворчеству, не победят окончательно, в обществе будет господствовать анархия и разброд. Если верование является *содержательной* характеристикой любой цивилизации, то вера выступает способом их функционирования, социальным и психологическим механизмом формирования общественного мировоззрения.

В Философском энциклопедическом словаре, изданном в 1983 году, вера рассматривается только как феномен религиозного сознания, а о светской вере нет даже упоминания. Но в описании феноменального аспекта религиозной веры важно выделить те моменты, которые присущи вере как таковой, независимо от ее предмета. Исходя из определения, представленного в этом академическом издании, можно выделить три таких момента. Вера определяется как *центральная мировоззренческая позиция* и *одновременно психологическая установка*, включающая, во-первых, *принятие* определенных утверждений и *решимость* придерживаться их вопреки всем сомнениям. Во-вторых, вера включает *личное доверие* к лицу, персонифицирующему предметное содержание веры, а также принятые субъектом и разделяемые им ценности и убеждения. Иначе говоря, это психологическая уверенность в чьей-либо правоте, правильности содержания идеи, высказывания, исходящего от лица, к которому испытывают доверие. В этом случае в русском языке нередко используется однокоренное слово “верно”, несущее положительную оценочную нагрузку и означающее “истинно”, “правильно”, “хорошо”. При этом Бог или персона, облеченная доверием людей — в зависимости от ситуации это может быть вождь, лидер, пастырь, руководитель, учитель, комментатор и т.п., — выступает как устроитель жизни тех, кто в него верит, как руководитель, помощник, советчик и спаситель в тех конкретных жизненных ситуациях, которые связаны с трудностями выбора направления и способа действий и с сильными эмоциональными нагрузками, неизбежными в такие важные моменты в жизни человека. В-третьих, вера включает *личную верность* Богу или субъекту, воплощающему то, во что верит человек и то, чему верующий (верящий) готов служить [2]. Во многих языках, с которыми сначала связывалось становление теистических религий, “вера” и “верность”, а также “верующий” и “верный” оказываются однокоренными словами.

Генезис веры как социально-психологического явления действительно происходил в течение всей человеческой истории в рамках различных религиозных верований, однако каждая эпоха имела свои характерные особенности. Религии типа греко-римского или синтоистского язычества требуют от человека только четкого соблюдения ритуальных и традиционно-моральных установок и запретов. Вера как внутреннее состояние, то есть такая вера, которая представляет саму сердцевину религии, — довольно позднее достояние человечества. В частности, понятие веры практически совпадает по смыслу с понятием религии в христианстве, исламе и иудаизме, являющимися сравнительно молодыми верованиями.

Теоретический анализ веры как иррационального начала социальной и индивидуальной психики вряд ли будет плодотворным без выявления ее диалектической взаимосвязи с рациональным компонентом. Так, по своему первоначальному назначению Слово Божье как канон веры призвано было служить ориентиром для правильной и праведной жизни. Но жизнь и историческая реальность постоянно изменялись, а строго фиксированные религиозные тексты оказывались не в состоянии обеспечить нужную нормативную базу для повседневного применения в разных жизненных ситуациях. Необходимость преодоления серьезных расхождений между здравым смыслом, возвращенным на признание очевидных фактов, и толкованием неочевидных феноменов по таким божественным историям, как непороч-

ное зачатие, удивительные исцеления больных и Воскресение, требовала рационального обоснования религиозных таинств. Нужна была, таким образом, непрерывная рациональная, опирающаяся на разум работа по нормативному толкованию моральных заповедей, их интерпретации в соответствии с меняющимся духом времени.

Научное толкование Священного Писания рождалось в процессе формирования теологии как учения о божественном, дополняя наивную веру. Другой важной причиной развития теологического подхода к вере была необходимость борьбы с многочисленными ересями. Ученая мудрость призвана была доказать ошибочность самих оснований еретических идей. Именно эти потребности и удовлетворяла теология как особое знание со своими традициями, стилем мышления, языком, канонами. Много сделал для обоснования союза веры и разума Августин Блаженный. Согласно его точке зрения, без работы разума нет веры, но и работа разума без веры является бесплодной. Философия призвана прояснять веру, углублять ее понимание. Вера, по Августину, — конечная цель ума, а ум — поводырь для веры. “Вера вопрошает, разум раскрывает”; “Верь, чтобы понимать”; “Пойми, чтобы поверить” — эти максимы Августина Блаженного, подхваченные во времена схоластики Ансельмом Кентерберийским (IX в.), а позже Абельяром (XII в.) и другими выдающимися богословами, нагляднее всего демонстрируют, что вера всегда является началом и конечным пунктом того пути, который должен пройти разум в обосновании религии.

Для понимания характера взаимовлияния веры и рациональных форм познания следует принимать во внимание прежде всего то, что развитие мировых религий и вовлечение в их орбиту неопитов происходило отнюдь не в интеллектуальном вакууме. Например, христианство в Европе с самого начала развивалось в пределах античной культуры и должно было взаимодействовать с античной философией. Человеческое культурно-интеллектуальное пространство постоянно расширялось по мере привлечения к нему новых сфер знания, с которыми приходилось согласовывать веру. Поэтому более дальновидные религиозные деятели призывали к тому, чтобы вера не стояла в стороне от знания, чтобы не исключала соображения разума из своей сферы, и немало сделали ради этого.

Правда, столкновение веры с рационалистической критикой привело вместе с тем к формированию противоположной позиции в теологии — декларации полной несовместимости веры и “немогущего” человеческого разума (максима “верую, потому что бессмысленно”, приписываемая Тертуллиану, имеет аналоги и у Петра Дамиани, и отчасти у Кьеркегора). Такая позиция привела к разрыву между теологией и философией, и ортодоксальная теология предпочла придерживаться постулатов, сформулированных Августином. Дальнейшие взаимоотношения веры и знания развивались весьма драматично. Систематизатор теологии Фома Аквинский в XIII веке подвел итог дискуссиям: философия призвана служить теологии. Но с развитием механистической научной парадигмы вера была вытеснена за пределы науки — либо верить, либо знать. Только дальнейшее развитие философии и природоведения доказало ограниченность такого противопоставления, характерного для науки классического периода с ее опорой на механистический детерминизм. В частности, И.Кант попытался переосмыслить понимание веры и рассматривал ее как позицию разума, при-

нимающего то, что является логически недоказуемым, но необходимым для обоснования морального императива.

Методологические достижения квантовой физики и исследования современной математики показали принципиальную открытость любой, даже предельно формализованной системы знания, каковой, в сущности, не может быть ни одна естественная, а тем более гуманитарная дисциплина. Это означает, что веру и связанные с ней феномены — интуицию, интеллектуальное чутье, озарение (инсайт) и т.п. — принципиально невозможно изъять из научного и повседневного мышления. Исследования таких современных обществоведов, как М.Элиаде, Р.Отто, Ж.Деррида и др., посвященные проблемам священного, сакрального, нуминозного, показали сложность взаимосвязи познавательного и практически-теургического процессов, где вера и знание, образ и ценность, религия и культура образуют сложное единство.

Религия, какой бы элементарной она ни была, всегда поднимает человека на уровень духовного. С онтологической точки зрения она выявляет существование священных вещей и божественных образов, выделяя то, что “действительно существует”; создает мир, который выглядит стабильным и понятным. Такой мир перестает быть хаосом абсолютной относительности, не оставляющей места для духовного, способного стать для человека моральным ориентиром. Религия предлагает типичное решение экзистенциального кризиса.

“Религия начинается тогда и там, где есть полное раскрытие действительности, одновременно являясь и раскрытием священного — того, что существует изначально; того, что не является ни иллюзорным, ни переходящим — и раскрытием отношений человека к этому священному отношению, которое представляется сложным, изменяющимся, иногда противоречивым, но которое всегда помещает человека в самое сердце реальности. Такое отношение в то же самое время оставляет человеческое существование “открытым” для духовных ценностей. С другой стороны, священное... вынуждает религиозного человека выйти из рамок личного, встать над условным и частным и принять абсолютные и универсальные ценности” [3, с. 18]. С этой позиции становится понятной гуманистическая роль религиозной веры, ибо практика внедрения в жизнь общечеловеческих гуманистических ценностей имеет много общего с практикой религиозной, поскольку стержнем ее также выступает *вера* в эти гуманистические ценности.

Вере в ее собственно религиозном смысле присущ особый статус именно на стадии обретения религиозного опыта. М.Элиаде утверждает, что религиозный опыт является одновременно и абсолютным кризисом существования, и образцовым разрешением этого кризиса. “Религиозное решение закладывает основу образцового поведения и вследствие этого вынуждает человека проявить себя как в реальном, так и в универсальном... Таким образом... индивидуальное сознание превращается в духовное действие... Именно религиозное видение мира и идеология, исходящая от него, дали возможность человеку полностью реализовать свое собственное “я”, “открыть” его для универсального” [3, с. 18, 19].

Схожие соображения по этим проблемам высказывает и современный украинский философ С.Крымский. “Базисный характер для понимания духовности имеет христианское триединство: “Вера — Надежда — Любовь”

(как и весь библейский Декалог и Нагорная проповедь). Вера в нем выступает уже по принципу бытия, а не познания, как феномен вечного рождения “внутреннего”, идеального человека в системе личности, как движение к абсолюту и встреча с ним, как способ преодоления вечно висящей над человеком угрозы относительности (П.Тейяр де Шарден), как путь формирования в человеке того, что не отменяется смертью” [4, с. 408]. В таком контексте и любовь расценивается уже не просто как способ продолжения рода, биологическое начало смены поколений, а как один из ведущих факторов формирования личности, развития ее духовности, “прорыва повседневности и выхода к первоосновам жизни” (по образному выражению С.Крымского). Соответственно и надежда как альтернатива отчаяния — смертного греха, согласно догматам христианства — символизирует путь преодоления бездуховности, смягчает боль утрат, выполняя терапевтическую функцию в отношении духовных страданий. В более широком понимании надежда — это не что иное, как вера в будущее; она проявляет себя в оптимистических тонах ожиданий, как форма переживания времени и его субъективного восприятия, приобщения к нетленному и победе над хаосом.

Надежда утверждает положительный потенциал будущего для человека, воплощая веру в достижимость цели и развенчивая пессимистические представления о тщетности человеческих усилий на жизненном пути. Надежда как вера в будущее становится спасательным символом выживания человека в сложных и драматических условиях дня сегодняшнего. “Уверенность в том, что наши усилия не беспредельны, а цели — принципиально реализуемы, позволяет рационализировать проективную деятельность по превращению “сегодня” в “завтра”, войти в состав будущего на доступных человеческому интеллекту основаниях” [4, с. 409].

Знание научное и знание религиозное, без сомнения, разнятся, и в первую очередь своими объектами. Научное познание вытекает из объективной реальности, изучает ее специальными методами, полагая в качестве критерия оценки истины практику. Наука всегда остается открытой для новаций, отвергает саму возможность существования догм, которые нельзя подвергнуть сомнению и критике. Религиозное знание основано на познании отношений между человеком и Богом, которое в определенном смысле подобно научному и повседневному (опытному) познанию. Религиозные догмы в современном их понимании представляют, в сущности, обобщенные результаты религиозной практики, понятийную фиксацию данных религиозного опыта. Если средневековая философия была догматической, как и культура и мышление Средневековья в целом, то ныне теология является вполне научной и теоретической. Вера же заслуженно занимает почетное место как в научном и повседневном, так и в религиозном способе познания.

В принципе любая церковь, как и религия вообще, существует для людей массы, толпы, не способных к самостоятельному мышлению и самостоятельной вере. Только тот, кто не способен обнаружить веру в себе самом, требует приобщения к ней извне, через приобщение к толпе и соучастие в условных действиях коллективных обрядов. Человек массы находит тут объяснения, предписания и ориентиры на все случаи жизни, ответы на вопросы о мироздании, преодолевает сомнения и неуверенность. Нужно отметить психогигиеническую и психотерапевтическую функции религии,

реализация которых нормализует внутреннее восприятие соотношения между сущим и должным. За всем этим стоят извечные святыни и авторитет людей, которые вызывают доверие и воспринимаются как своего рода профессиональные хранители священных заветов, посредники-покровители перед высшими силами, что укрепляет готовность паствы действовать в соответствии с их наставлениями.

Из приведенных рассуждений о роли веры и религии в общественной жизни можно понять, что одними только принципами детерминизма и рациональности невозможно полностью объяснить человеческое поведение. Тем более обречены на неудачу попытки управлять им так, как это пытаются делать некоторые реформаторы, примитивно и прямолинейно усвоившие идеи К.Маркса и М.Вебера относительно проблем рациональности и рассчитывающие на общую рационализацию экономики, политики, образа жизни и мышления. В действительности поведение людей во многом, а нередко и решающим образом, определяется влиянием скорее иррациональной мотивации (эффекты предубежденности) и мнений окружающих людей (эффекты конформности).

С.Московичи в своих книгах весьма аргументированно показывает, что психическое (верования, страсти, чувства и т.п.) гораздо чаще, чем это принято считать, лежит в основе социального (общественных структур, продуктов, институтов и т.д.). В его модели человека на первый план выдвигается потребность в вере и переживаниях и способность удовлетворить эту потребность. Общество нормально функционирует, если в нем действуют общие правила, нормы сосуществования, значимые для индивида, которые определяют подчинение индивидуального разума общественному. Для этого нужно нечто более достойное, чем материальная сила, более уважаемое, чем интерес, более несомненное и неоспоримое, чем философская теория, и более созвучное человеческому чувству и страсти. Это нечто и есть верование, неважно, поддерживается ли оно мифом, идеологией или наукой. *Homo credens* (лат.) — “человек верующий” — главное “действующее лицо” в теории С.Московичи [5].

Итак, вера и знание представляют собой диалектическую пару взаимосвязанных противоположностей. Вера помогает действовать в условиях неопределенности. Необходимость в вере отпала бы, если предположить возможность исчерпывающего знания. Но виртуальность самого бытия, обуславливая принципиальную открытость любого знания, делает это невозможным, следовательно, полностью преодолеть неопределенность при принятии решений никогда не удастся. Человек вынужден принимать произвольные решения, поскольку существуют ситуации, когда их принципиально нельзя взвесить как логический вывод.

Вера, в свою очередь, основывается на знании и опыте, она формируется жизненными обстоятельствами, практикой. В ситуациях, не вписывающихся в обычные алгоритмы, возникает необходимость в новых решениях. Подвижность и непостоянство мира в этом случае компенсируется подвижностью сознания, эвристическими возможностями мышления и, разумеется, верой в себя и свою способность справиться с ситуацией.

Существование религии обусловлено не только потребностью в вере, из которой она вырастает, и потребностью социума в массовом духовном культе, но и потребностью человека в объединении с другими и приумножении

своих сил с укреплением своего сообщества. Религиозная общность позволяет отделить своих от чужих, одновременно сплачивая своих и противопоставляя их чужим. Люди испокон веков объединялись в большие группы, чтобы совместно совершать великие дела и противостоять другим группам. Религия и церковь служили здесь объединительными факторами, действие которых было бы невозможно на одних только конвенциональных основах без психологической *способности веровать*. (Кстати, активное привлечение церкви к делу объединения нации в ходе государственного строительства является попыткой применить проверенный способ в новых исторических условиях, когда государственная идеология, выполнявшая ранее роль светской веры, потерпела историческое фиаско.)

Таким образом, религия включает и собственно веру — тот внутренний духовный фундамент, который держит на себе все грандиозное здание религии, — и внешний атрибутивный комплекс проявлений веры: обрядность, храм, догматы, институт священнослужителей. (Последнее либо отсутствует в вере светской, либо приобретает различные квазиформы.) Верующий человек может быть нерелигиозным или же недостаточно религиозным в том плане, что он не идентифицирует себя ни с одной из существующих конфессий, поскольку может обходиться без их условностей. В своих отношениях с Высшими Силами такой человек предпочитает избегать посредников, его вера не требует внешней атрибутики и посторонних подкреплений. Вместе с тем и религиозный человек может быть маловерующим. Нынешняя мода на религию дает множество примеров такого рода. Тщательное соблюдение религиозных ритуалов не может заменить внутренних импульсов веры, превратить рутинную обязанность в духовное творчество по самосовершенствованию личности.

Религия всегда брала на себя функцию и право определять моральные принципы, регулирующие отношения между людьми в данном сообществе. Поэтому не удивительно, что по своему смыслу категории “вера” и “мораль” во многом совпадают. Мораль не всегда можно объяснить рационально, с точки зрения целесообразности реального мира многое в ней оказывается необъяснимым. Ведь в прагматическом плане и ложь может оказаться более полезной, нежели истина. Да и моральный запрет на убийство трудно соблюдать, скажем, применительно к садистам, которые не задумываясь лишают жизни других. Ради чистоты религиозной веры церковь приказывала истреблять иноверцев, объявляла крестовые походы, казнила отступников и еретиков, именем ее действовала инквизиция. Но та же церковь сберегала и донесла до наших дней десять заповедей, представляющих собой неподвластный времени моральный кодекс поведения современного человека.

В подкреплении морально-духовных поисков на пороге нового тысячелетия важную роль приобретает, по определению С.Крымского, такой стимул готовности к деятельности, как принцип решимости (вспомним, что решимость — одно из ключевых слов в дефиниции веры). Этот принцип выражает способность ясно представлять себе все логические последствия проблемных ситуаций, возникающих перед нами, — даже тогда, когда на грани жизни и смерти самообман кажется более оправданным, чем нелицеприятная правда. Вера вселяет мужество следовать своему разуму, готовность ориентироваться на истину, субъективную уверенность в достоверности, основанной на аргументах как разума, так и веры.

Таким образом, веру нельзя свести ни к некритическому восприятию религиозных догматов, ни к моральному чувству. Это явление шире по смыслу и культурно-историческим формам проявления. Вместе с тем это одна из детерминант культурно-интеллектуального измерения обыденного сознания. Люди всегда во что-то верили. Неверующих людей нет, они просто считают себя таковыми. На грани смерти, под угрозой трагической потери, в безвыходных обстоятельствах, когда от человека уже ничего не зависит, даже самый большой скептик начинает обращаться неизвестно к кому или к чему, к неким Высшим Силам, к некоему существу, наделенному теми способностями, которых сам он лишен. Он вроде бы не верит своим собственным словам и упованиям на то, что все может как-то устроиться, разрешиться благоприятным для него образом, однако в нем тлеет огонек, искорка надежды вопреки очевидности. Вот эта надежда и является проявлением веры, одной из ее ипостасей. Вспомним известные афоризмы: “пока дышу — надеюсь”, “надежда умирает последней”, “без надежды надеюсь”. Надежда означает, что человек не властен над какими-то факторами, но хочет, чтобы они действовали в его пользу, и признает это возможным. Надежда переходит в веру там, где для надежды не остается места, но веру уже ничто не может пошатнуть, умалить, уничтожить. Человек знает, что для надежды нет оснований, но верит безосновательно. В более широком плане, надежда — это вера в будущее, она проявляется как оптимистическое ожидание грядущего, как форма переживания времени, особенно на грани тысячелетий, служащей для многих особой точкой отсчета жизненного времени.

Что касается такой разновидности верований, как **светская вера**, то по сути своей они ближе к тому, что античная философия формулировала как *credo* (жизненное кредо человека). Э.Фромм называет это “рациональной верой” в отличие от слепого некритического поклонения тем или иным людям или идеям в процессе жизнеосуществления [6, с. 262–277]. Такая вера означает нежелание человека примириться с существующим состоянием дел, с конечностью человеческого бытия — вопреки знаниям, вопреки очевидности и опыту, что, собственно, и делает человека человеком. Вера — это одна из форм творческой неудовлетворенности человека миром, побуждающей его изменять этот мир. Верующий человек выстраивает свой личный, внутренний, субъективный, воображаемый мир, который для него по-своему так же реален, как и мир объективный. Просто он относится к другому измерению, но в этот собственный мир всегда можно попасть и стать в нем более стойким, более сильным, менее уязвимым, а то и всемогущим. Благодаря созданию такого внутреннего мира человек становится сильнее и в этом, объективном мире. Человек получает ценности, большие, чем жизнь в ее физическом понимании. Тогда верующий (который воистину верует), отстаивая свои убеждения, готов к любым страданиям и мучениям, он принимает смерть ради торжества своей веры, истины, правоты.

Вера — аспект самоутверждения человека, его стремления к самореализации в чувствах и поступках, несмотря на возможные страдания и даже угрозу для жизни. Вера укрепляет сферу духа, придает решительности и в то же время укрепляет реальную состоятельность человека. Поэтому тот, кто верит (не важно — в Бога, в себя, в идеи, в кумира или во что-то другое), сильнее неверующего. Он имеет дополнительный стимул к действию — во

имя веры. У него есть и надежный приют — свой идеальный мир, где он недоступен для земных врагов.

В российской философии, традиционно отдававшей должное вопросам веры, сложилось понимание ее как самого важного феномена внутреннего, духовного мира человека, в основу которого положено непосредственное принятие *сознанием* тех или иных норм и ценностей жизни как безусловно истинных. Вера основывается на *авторитете*, на внутренней *интуиции* и на уважении к чуждому *опыту* и *традиции*. Вера в объективный смысл высших, абсолютных ценностей, по словам С.Франка, составляет религию. Но и за пределами религиозного сознания вера как убежденность (уверенность) в справедливости, правоте жизненных целей, а также реальности их достижения является необходимым условием и мощным стимулом в жизни человека, особенно человека творческого, ищущего собственный путь к цели. “В практической жизни человека вера является первым условием успеха в любом деле” (В.Соловьев).

Э.Фромм писал по этому поводу, что такая вера не имеет ничего общего с фанатизмом и не только не противостоит и не противоречит разуму, но и открывает простор для активной и продуктивной деятельности сознания [6, с. 248]. Человек не может жить без веры. Долгое время догматы светской веры в нашем обществе задавала коммунистическая идеология; еще и сейчас вокруг нее объединяются определенные общественные слои и группы. Ныне ее место в массовом сознании занимает новейшая мифология, которая эклектично соединяет отражаемые в своеобразных персонифицированных формах разного рода социально актуальные потребности и стремления. Несмотря на разнообразие своего содержательного фундамента, светская вера постепенно, но уверенно занимает главенствующее место среди социально-психологических механизмов мировоззренческой самоидентификации. Для нашего и последующих поколений главным является вопрос о том, будет ли это иррациональная вера в вождей, Бога или новейшие технологии, или же это будет рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности.

Производной веры, проекцией ее в мир субъект-субъектных, и прежде всего — межличностных, отношений является доверие. Оно относится к числу важнейших психических состояний человека. В “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона доверие рассматривается как “психическое состояние, вследствие которого мы полагаемся на какое-либо мнение, которое считаем *авторитетным*, и поэтому отказываемся от самостоятельного изучения вопроса, который может быть исследован нами”. С.Ожегов в своем “Словаре” трактует доверие как “уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-то и основанное на этом *отношение* к кому-либо”. В “Новом толковом словаре украинского языка” дается аналогичное определение доверия как “*отношения* к кому-либо, возникающие на основе веры в чью-либо правоту, честность, искренность и т. п.” [7]. Кстати, одно из приведенных в этом словаре значений слова “вера” полностью совпадает со значением термина “доверие”, чего нет ни в одном другом словаре. Это очень интересный факт, учитывая, что фундаментальность чувства доверия косвенным образом подтверждается лингвистами, обнаружившими, что в некоторых языках понятие “верить” имело первичное значение “выбирать” [8]. Важнейшей жизненной задачей чело-

века, а то и условием выживания, было умение выбрать тех, кому можно и должно довериться. А смысловые нюансы, которые указывают на ценность, надежность объекта доверия для личности, сохранились в семантике слов “вера” и “доверие” до нашего времени.

Образы прошлого воскрешают великие коллективные события, фигуры личностей, которые сыграли выдающуюся роль в истории и с которыми каждый может себя идентифицировать, как бы обогащая себя сокровищами коллективной исторической памяти. Француз в таком случае вспомнит взятие Бастилии, Наполеона или генерала де Голля, символизирующих поворотные пункты французской истории и ее славу. Для евреев такое значение имеет исход из Египта, для протестантов — Реформация. Глубокий смысл несло в себе понятие Рима как символа величия государственности, причем не только для романских народов (вспомним известное: “Москва — третий Рим, четвертому ж не бывать!”). Мифологизация времен стихийно справедливой казацкой вольницы как образца для современного социального устройства Украины — явление того же порядка. Таким образом, речь идет об укреплении связей между членами группы, объединении общности под эгидой какой-либо значимой идеи.

Издавна повелось так, что завоевать доверие и масс, и отдельного человека труднее, чем утратить его. Доверие нужно постоянно оправдывать и укреплять (подпитывать), восстановление его в случае потери — задача чрезвычайно трудная и длительная. Нынешняя действительность стран, возникших в пределах постсоветского пространства, актуализирует проблемы доверия или, в более узком смысле, авторитета. Следует признать, что в советское время — начиная от противостояний, порожденных революцией и гражданской войной, включая пресловутое обострение классовой борьбы на решающем этапе построения социализма и изобличение культа личности и вплоть до утверждения двойной морали времен застоя — в большинстве своем культивировалась традиция недоверия, оправдываемая необходимостью бдительности в условиях враждебного окружения. Показательно, что в “Советском энциклопедическом словаре” слово “доверие” как понятие вообще отсутствует. А в словарях и учебниках по этике вплоть до недавнего времени доверие определялось исключительно в связи с угрозой обмана, кражи, мошенничества, то есть тех отрицательных явлений, которые еще имеют место в классовом обществе, но в будущем, бесспорно, абсолютно исчезнут вместе с окончательной победой коммунизма и становлением бесклассового, а следовательно, бесконфликтного общества.

Отголосками золотых времен отечественной истории кажутся в связи с этим такие понятия, как дворянское “слово чести”, защищавшее репутацию и честь субъекта, и “честное купеческое слово”, под которое осуществлялись миллионные операции с большим числом участников. Нынешняя ситуация у нас в стране породила тип современных реформаторов-менеджеров, которые в любой момент из самых уважаемых и авторитетных людей государства могут превратиться в уголовных преступников, готовых бежать с награбленным то ли в Панаму, то ли в Израиль. Распад коммунистической идеологии привел к девальвации многих ценностей, определявших жизненное кредо и стратегию поведения советских людей. Объективно содержание этих ценностей не изменилось, однако произошла их переоценка. Ко многим из них утрачено доверие; авторитет людей, продолжающих их испо-

ведовать, существенно снизился. В моде теперь иные кумиры, на авансцену социальной жизни вышли другие люди, тон в политике задают деятели, порядочность и принципиальность которых вызывают большие сомнения.

То, что ранее считалось добродетелями, сегодня расценивают по меньшей мере как анахронизм и препятствие на пути к жизненному успеху. То, что осуждали, стало необходимым атрибутом современного делового человека, стремящегося выиграть в гонках на жизненном ипподроме, где ведется нечестная игра. Отсюда — общий кризис веры и доверия, поскольку мошенничество на всех уровнях общества стало слишком бесстыдным и явным; о гарантиях социального долга и вовсе говорить не приходится. Из отношений личности и общества исчезает даже внешняя ритуальность, освященная традицией театрализация отношений долженствования. Нынешние “отцы народа” не только не способны предложить новые социальные ориентиры, они не могут *внушить* обществу никакой приемлемой идеологии, никакой веры. Ренессанс старых ценностей с использованием большевистских приемов, эксплуатирующих архетипические черты психологии восточнославянских народов (вера в доброго господина, доверие к самозванцам-популистам, некритическое восприятие публичного, особенно печатанного, слова, необоснованная вера в лидера, со временем сменяющаяся не менее масштабным неуважением и т.п.), также оказывается в современных условиях невозможным или малоэффективным.

Моральная и социально-психологическая ситуация, сложившаяся в результате кардинальных трансформаций общества, характеризуется дисбалансом нормативно-ценностных ориентаций, усилением разрушительных тенденций в сознании и поведении людей, противоречивым сочетанием прогрессивных и консервативных элементов в восприятии и настоящего, и будущего практически во всех общественных группах и слоях. Как свидетельствуют результаты авторских социологических исследований, продолжавшихся в режиме мониторинга с 1988 по 1991 год (исследования проводились методом стандартизированного интервью, выборка репрезентативная для населения г.Киева по признакам пола и возраста, N = 400), уже в конце 80-х годов утвердилась прискорбная традиция неуверенности *большинства* населения столицы Украины в завтрашнем дне; традиция, появившаяся в последние годы существования СССР и продолжающая существовать в условиях независимости Украины. Хотя за годы существования самостоятельного украинского государства пессимистические настроения не слишком прогрессировали, оставаясь в пределах 50–60% опрошенных, вместе с тем количество тех, кто верит в перемены к лучшему, сократилось с 30–35% до 18–25%. К тому же наблюдается сближение по этому показателю разных возрастных групп: если в начале 90-х годов средоточие оптимистических умонастроений были люди среднего возраста (недаром перестройку называли “революцией сорокалетних”), то ближе к концу XX века данная возрастная категория, хоть и не догнала по степени пессимизма старшую возрастную когорту, тем не менее приблизилась к ней и практически мало чем отличается от молодежи, которой также присущ пессимизм.

Проведенные исследования показали, что оптимистические ожидания тесно коррелируют с показателями материального благосостояния. Самооценки же уровня потребления и сегодня стабильно остаются неудовлетворительными у основной части респондентов. Не приходится удивляться

негативным тонам ожиданий у респондентов с низкими доходами. Интересно другое: треть тех, кто не имеет оснований жаловаться на благосостояние, тоже ощущают неуверенность в будущем. Высокие доходы, как видим, не приносят значительной части материально благополучных слоев населения чувства успокоенности, гарантируя разве что относительную уверенность в завтрашнем дне.

Низкая эффективность действий (по крайней мере, так их классифицирует общественное мнение) государственных и общественных институций привела к падению их статуса в глазах населения. По результатам опроса 1995 года (данные получены во время всеукраинского опроса населения, проведенного методом стандартизированного интервью службой “Социс-Геллап” в 1994–2000 годах, выборка репрезентативная по признакам пола, возраста, образования для населения Украины, N=1200, области сгруппированы по регионам — Центр, Восток, Юг, Запад), более 60% респондентов отрицательно оценивали деятельность органов центральной и местной власти. Данные 1997 года демонстрируют усиление этой тенденции: “полностью полагаются” в решении общественных проблем на центральную власть 1% опрошенных, “в какой-то мере” — 24%; на местные органы власти — соответственно 1% и 20%. Потеря доверия к большинству властных структур компенсируется переориентацией на собственные силы и силы своей семьи, на решение проблем в пределах возможностей “отдельно взятой семьи”. Ныне отказ от патерналистской модели ожиданий характерен для 75% респондентов, хотя не для всех такое решение оказывается одинаково легким. Важную роль здесь играет уровень самооценки и веры в себя. Чем меньше вера в свои возможности, и в связи с этим, чем ниже общая самооценка, тем большим оказывается страх перед жизненным кризисом. Заниженная самооценка и нехватка веры в возможность найти выход из сложных обстоятельств обуславливают агрессию ко всему окружающему или же депрессию и замкнутость. В дальнейшем усиливается чувство страха, приводящее к расстройствам в социальном функционировании.

Предшествующий ход жизни, пережитые удачи и неудачи также могут существенно влиять на веру в себя. Известно, что некогда пережитое человеком определяет его восприятие будущего. Наиболее горький опыт пережитых неудач вызывает обостренное ощущение собственной бездарности и ненужности. В такой ситуации даже незначительная угроза порождает неуверенность, лишает равновесия и ведет к глубоким психическим нарушениям. Моральная и социально-психологическая ситуация, сложившаяся в постсоветское время вследствие кардинальных трансформаций общества, характеризуется дисбалансом нормативно-ценностных ориентаций, усилением разрушительных тенденций в сознании и поведении людей, противоречивым сочетанием прогрессивных и консервативных элементов в видении как современного, так и будущего практически во всех общественных группах и слоях. Итак, имеются веские основания утверждать, что способность *верить* во всех без исключения социальных слоях украинского общества неуклонно снижается под давлением многочисленных (и не только материальных) трудностей.

Путь к общественному исцелению и счастьем лежит через страдания, боль потерь и разочарований и вместе с тем — через восстановление доверия.

Изменения в мироощущении, видении мира, массовом сознании, безусловно, различаются по динамике и соотношению рациональных и чувственных элементов от элитарных форм духовной жизни, именно мировосприятие рядового человека, культура большинства определяют истинный ментальный портрет того или иного общества. Рациональное и иррациональное, логическое и алогичное, научные концепции и гипотезы, с одной стороны, и народные верования и мифологические образы — с другой, — все это пласты, сосуществующие в разных соотношениях в общественном и индивидуальном сознании и определяющие духовный потенциал людей в каждую конкретную эпоху. На пороге третьего тысячелетия они приобрели вполне определенные очертания, зафиксированные в ряде прикладных социологических исследований.

В ходе уже упоминавшегося социологического мониторинга, который с 1994 года по настоящее время проводит Институт социологии НАНУ (руководство мониторингом осуществляют Е. Головаха и Н. Панина) вместе со службой “Социс-Геллап”, а также во время социально-психологического мониторингового исследования условий жизни и деятельности разных социальных групп населения, пострадавшего в результате Чернобыльской аварии (руководитель Ю. Саенко) [9], была получена содержательная эмпирическая информация, достаточно четко иллюстрирующая наши теоретические соображения.

В частности, в упомянутых социологических исследованиях нашло подтверждение то положение, что вера является важнейшим источником мотивации и побуждения к действию. В опросе 1999 года позицию, согласно которой веру, убеждения и принципы необходимо отстаивать даже под угрозой смерти, разделяют более 40% респондентов. Это весьма высокий показатель. Хотя в то же время почти столько же опрошенных (39%) считают, что жизнь дороже любой идеи. Таким образом, налицо очевидное противоречие в духовной жизни общества.

При этом речь шла не только о сугубо идеологических ценностях, но и о вере религиозной. В этом же опросе количество респондентов, которые идентифицировали свою принадлежность к религиозной вере, то есть “верующих” по самоопределению, превышало 64%, даже младшая возрастная генерация (до 30 лет) на 61% состоит из людей, ассоциирующих себя с религией. Мера веры в Бога у основной массы населения очень высока — 69%. Трудно представить, чтобы подобная ситуация имела место еще каких-то 10–15 лет назад.

Несмотря на очевидный рост масштабов религиозной веры, можно с уверенностью говорить о кризисе веры в современном украинском обществе, которое на старте XXI столетия продолжает пребывать в состоянии трансформации. Об этом свидетельствуют ответы на прямой вопрос, заданный в такой форме: “Можете ли Вы сказать лично о себе, что Вы верите в какую-то идею и готовы на значительные жертвы ради нее?”

Утвердительные ответы дали менее 23% опрошенных, отрицательные — более 52%. Каждый четвертый затруднился ответить. Женщины дали меньше утвердительных ответов, чем мужчины, и больше отрицательных (разность в обоих случаях составляет 4%). Молодые люди в возрасте до 30 лет ответили “да” в 19% случаев, “нет” — в 62%. Старшая возрастная группа дала меньше всего отрицательных ответов — 45%, но более всего неопределен-

ных ответов — 33%. Ситуация такого массового безверия и социального разочарования, пришедшая на смену чрезмерно идеологизированной атмосфере казенного оптимизма недавних лет, отсутствие сколько-нибудь единой идеологической и ценностно-нормативной базы представляет серьезную опасность для общества и его будущего. В таких условиях крайне необходима нашему обществу консолидация слишком усложняется или вообще становится невозможной, а следовательно, весьма проблематичны и обеспечение политической и социальной стабильности, и экономическое и культурное развитие. Однако необходимость норм и ценностей, которые призваны объединять людей в обществе, осознают почти 40% опрошенных, а на отсутствие политических идеалов, заслуживающих поддержки, указывают 49% респондентов.

Свыше 45% опрошенных в июне 1999 года были убеждены, что самые тяжелые времена для Украины еще впереди, 39% респондентов ответили, что именно сейчас население испытывает самые большие трудности, и только около 6% смотрят в будущее с оптимизмом, считая, что основные трудности уже позади. Это и понятно, поскольку более половины опрошенных в сентябре 1999 года высказались в пользу того, что нынешние трудности в экономической и социальной сфере будут продолжаться гораздо больше десяти лет, и лишь 9% оптимистически считают, что преодолеть эти трудности Украина сможет в течение ближайших пяти лет.

Примерно треть опрошенных считают, что Украина сможет в экономическом отношении выйти на уровень развитых стран еще при их жизни. 44% респондентов не надеются дожить до этих времен, однако уверены, что когда-нибудь это все-таки произойдет, и их дети или внуки смогут жить в стабильном и процветающем обществе. Убежденные пессимисты, принципиально не верящие даже в самую возможность этого, составляют 11%.

Положительным полюсом переживаний людей относительно будущего является такое чувство, как надежда, которая по показателям превышает 50-процентный барьер. 52% от общего количества опрошенных в восприятии личного будущего руководствуются надеждой на лучшее. Аналогичный показатель оценки будущего Украины еще выше — 56,5%. И если показатели чувства уверенности в будущем оказались в этом опросе низкими (около 6%), это компенсируется тем, что положительный баланс общественного самочувствия поддерживает именно надежда. Веру в лучшее будущее, точнее, надежду на то, что со временем состояние дел улучшится, отмечали почти 30% участников сентябрьского опроса 1999 года как один из важнейших факторов, объединяющих людей в нашем обществе. Как уже отмечалось, в широком понимании надежда — это форма переживания времени; она утверждает смысл будущего для человека, воплощая веру в достижимость цели и опровергая пессимистические представления о тщетности человеческих усилий на жизненном пути. Надежда как вера в будущее становится спасательным символом выживания человека в нашу непостоянную и драматическую эпоху.

Другим важным чувством, “окрашивающим” восприятие жизненных перспектив, является чувство тревоги. Тревога — этого своего рода антагонист надежды, воплощение отрицательного полюса переживаний относительно грядущего. Статистические показатели актуализации этого чувства в индивидуальном и массовом сознании по данным опроса также весьма

высоки. Почти 51% опрошенных выделили это чувство как преобладающее в оценках личных перспектив жизни; более 48% респондентов с тревогой воспринимают будущее всей страны.

Третьим по значимости чувством, влияющим на восприятие будущего, оказался страх. 27% участников опроса признались, что именно страх — то чувство, которое преобладает, когда они думают о собственном будущем. Каждый пятый респондент, задумываясь о перспективах Украины, переживает чувство страха перед неопределенностью будущего страны (20,7%). Кстати, психологам давно известно парадоксальное, на первый взгляд, свойство страха — он может служить объединительным фактором. Не случайно в осеннем опросе 1999 года на вопрос о том, что объединяет людей в нашем обществе, почти 17% респондентов ответили, что это — страх перед будущим.

Такие тесные корреляции чувств, превалирующих в переживаниях людей относительно личного будущего и будущего страны в целом, вполне понятны, поскольку в массовом сознании населения ожидания перемен к лучшему находятся в зависимости от состояния дел в Украине в целом. 81% респондентов считают улучшение ситуации в стране необходимым условием того, чтобы их собственная жизнь стала лучше. И только 10% не видят никакой связи между изменениями в лучшую сторону в обществе и в их собственной жизни.

Общую оценку отношения к будущему на уровне чувств по ответам респондентов можно дополнить еще несколькими штрихами, обнаруженными в ходе сравнительного анализа. Люди на чувственном уровне в большей степени обеспокоены личными перспективами, и показатели их отношения к общественным проблемам в пять раз ниже, чем к собственным, хотя на рациональном уровне респонденты обычно фиксируют зависимость личной судьбы от состояния дел в обществе. Чувство безысходности намного чаще становится доминантой восприятия личного будущего, чем общественного, а чувство растерянности в большей мере выражено в оценках перспектив общества. Показатели оптимизма-пессимизма в чувственной оценке личного будущего и будущего страны практически полностью совпадают (и в том, и в другом случае оптимистов — 16%, а пессимистов — 8%).

Что касается гендерных различий в чувственном отношении к будущему, то здесь следует отметить следующее: оценки как личных, так и общественных перспектив у женщин тесно коррелируют с аналогичными оценками со стороны представителей “сильного пола” (речь идет о таких чувствах, как надежда, уверенность, удовлетворенность). А вот что касается оптимизма в восприятии будущего, тут женщины существенным образом отличаются от мужчин: оптимистически настроенных женщин на 3–4% меньше. Женщины острее переживают чувство безысходности, чаще, чем мужчины, констатируют свою растерянность перед грядущим (различие также составляет 3–4%). Относительно таких чувств, как страх и тревога, различие составляет уже от 12 до 19%. То есть ранговые иерархии чувств в отношении к будущему у мужчин, и у женщин практически совпадают, а удельный вес некоторых важнейших чувств при этом может существенным образом отличаться. Все, что несет в себе реальную или воображаемую угрозу будущему, женщины переживают на чувственном уровне гораздо интенсивнее мужчин.

Практически отсутствует значимое отличие между оценками будущего в группах, различающихся по уровню образования (от начального до высшего). А такая характеристика, как возраст, чего и следовало ожидать, влияет на оценки респондентов весьма существенно. Молодежь до 30 лет имеет более высокие, по сравнению со среднестатистическим респондентом, показатели уровня оптимизма. Оптимистов среди молодых людей вдвое больше, чем среди людей среднего возраста, и в четыре раза больше, чем среди представителей старшего поколения. Надежду как чувство, занимающее первое ранговое место среди других чувств, которые преобладают в мыслях о будущем, отмечают 64% молодых людей, то есть на 12% больше, чем аналогичный средний показатель по выборке. Молодежи в гораздо меньшей мере присуще чувство безысходности и растерянности перед будущим. В этой возрастной группе на 6–8% меньше оценок перспектив будущей жизни, окрашенных в темные тона тревоги и страха. Все это дает основания считать, что несмотря на многочисленные трудности рассматриваемого периода молодежь сохраняет довольно высокий потенциал положительного отношения к жизни и будущему нашего общества.

Люди старшего поколения продемонстрировали высокие показатели в негативной части эмоциональной шкалы чувств и, соответственно, низкие — в положительной части. Наиболее показательным является то, что именно в старшей возрастной группе больше всего людей, воспринимающих не только личное будущее (это вполне понятно), но и перспективы Украины со страхом. Это обусловлено рядом причин как объективного, так и субъективного характера, но, безусловно, свидетельствует об определенном неблагополучии в социально-психологической сфере.

Среди субъективных мотивов поведения индивидов и социальных групп социальные чувства играют огромную роль; они существенно влияют и на жизнь граждан, и на ход исторического развития общества, и вместе с тем являются его важнейшими характеристиками. Поэтому особенности переживания людьми личного будущего и общественных перспектив, различия и соответствия в восприятии будущего в разных социальных группах следует учитывать в контексте любого целенаправленного влияния на массовое сознание и формирование благополучного социально-психологического климата в обществе. Социальная депрессия в кризисном обществе — фактор, пожалуй, не менее разрушительный, чем сами по себе экономические трудности и политические потрясения. В то же время хорошо известен творческий потенциал массового энтузиазма и атмосферы общего вдохновения, чему есть немало примеров в мировой и отечественной истории.

Разочарование и растерянность как доминирующие черты состояния массового сознания на стыке тысячелетий показательно проявляются в низком уровне адаптации жителей Украины к новым условиям жизни в трансформирующемся обществе. Только 7% опрошенных согласно их самооценке активно вовлечены в новую жизнь, треть респондентов прилагает некоторые усилия в этом направлении, а 47% — это люди, которые однозначно декларируют нежелание приспособиваться к нынешней жизни. Вполне понятно, что большинство представителей старших возрастных групп не столько не хотят, сколько не могут по ряду причин адаптироваться к новациям и ускоренным темпам изменений в обществе (65%). Значительно большестораживает весомая доля молодежи среди тех, кто не

желает прилагать никаких усилий для адаптации к новым условиям жизни (23%). Справедливости ради заметим, что 47–43% участников опросов в течение последних пяти лет стабильно отмечают у себя отсутствие умений для жизни в новых общественных условиях; 35% фиксируют недостаточную уверенность в собственных силах; 31% — недостаточную решительность в достижении собственных целей; 28% респондентов страдают от недостатка инициативы и несамостоятельности в решении жизненных проблем. Однако в основном жалобы касаются внешних факторов: материальных трудностей и отсутствия достойных руководителей, а также прочих внешних для индивида и мало зависящих от его субъективных способностей обстоятельств.

Все это происходит на фоне постоянного снижения доверия практически ко всем социальным институтам. Люди привыкают полагаться только на самих себя, на Бога или, в меньшей мере, на самых близких родственников и коллег по работе. Вместе с тем, в обществе растет потребность в лидерах, способных эффективно управлять государством, возглавлять общественные организации и политические партии, в по-настоящему крупных фигурах, в деятелях науки и культуры, способных образовать каркас национальной элиты. Эта потребность выразительно фиксируется массовым сознанием (70% респондентов, независимо от социально-демографических характеристик и уровня образования, в той или иной степени готовы оказать доверие достойным в этом смысле людям).

Тотальный обман со стороны государства, наглядно проявившийся в потере доверенных населением государству многолетних сбережений, в весьма сомнительной с точки зрения социальной справедливости приватизации общественной собственности, в феномене так называемых финансовых пирамид, которые грабили людей при попустительстве со стороны государства, в хронической невыплате зарплат и пенсий — все это разрушило последний оплот социального доверия — доверие к государству и его высшим должностным лицам, руководящим общественными реформами.

По данным социологического мониторинга, который проводится с 1994 года (а по ряду позиций — с 1992-го), к большинству властных институтов общество относится с недоверием. В частности, стабильным является недоверие со стороны всех слоев и категорий населения (социально-профессиональных, возрастных и т.п.) к Верховной Раде и правительству Украины. Если в 1994 году Верховной Раде не доверяли в той или иной степени 51% респондентов, а доверяли лишь 10%, то в дальнейшем весы еще больше склонились в сторону недоверия: в 1995 году соотношение “недоверие/доверие” составляло 60% к 9%, в течение всех последующих лет вплоть до 2000-го, оно неизменно держится на отметках 62% к 7%.

До последнего времени аналогичная тенденция наблюдалась в отношении правительства. В 1994 году ему не доверяли 51% опрошенных (доверяли — 11%). После небольшого временного роста авторитета правительства, наблюдавшегося в 1995 году (тогда правительству не доверяли 49%, а противоположной позиции придерживались 16% респондентов), отношение к высшему эшелону исполнительной ветви власти заметно ухудшалось из года в год: в 1996 году с недоверием относились к правительству уже 54%, с доверием — 12%; в 1997-м — соответственно 58% и 9%; в 1998-м — 62% и 8%; в 1999-м — 62% и 10%. Только в 2000 году появились признаки

некоторого повышения степени доверия к правительству: не доверяют ему “всего лишь” 49%, относятся с доверием 14% респондентов.

Несколько больше по сравнению с Верховной Радой и правительством степень народного доверия к Президенту Украины, причем в отношении к нему заметны колебания, связанные прежде всего с циклами выборов, сменой лиц, занимавших этот высший в стране пост. Так, в 1994 году с недоверием относились к Президенту 53%, а доверяли 16% опрошенных. В следующем, 1995 году кредит доверия резко возрос: не доверяли президенту 37%, доверяли 33%. Далее наблюдалась реакция разочарования: в 1996 году не доверяли Президенту Украины уже 52%, доверяли 13%; в 1997-м — соответственно 58% и 9%; в 1998-м — 62% и 8%; в 1999-м — также 62% и 8%. В 2000-м году опрос продемонстрировал определенное восстановление кредита доверия к Президенту: ему доверяли втрое больше (27%) респондентов, чем в предыдущем году; не доверяли по сравнению с этим же периодом в полтора раза меньше — 43%.

Таким образом, исследования показывают, что в массовом сознании ожидания перемен к лучшему, а следовательно, готовность к восстановлению доверия связаны скорее с исполнительной властью, нежели с законодательной.

Относительно других властных структур и институтов показательное отношение к органам внутренних дел. Хотя в последнее время авторитет милиции и уровень доверия к ней несколько повысились (в 2000 году ей доверяли в некоторой степени 13% респондентов, не доверяли — 55%, тогда как в предыдущем, 1999 году соответствующие показатели составляли 11% и 63%), но состояние дел, когда правоохранительным органам не доверяет вчетверо больше граждан, чем доверяет, едва ли можно назвать удовлетворительным.

На этом фоне сравнительно благополучным выглядит отношение к армии: количество доверяющих ей в течение последних шести лет постоянно на несколько процентов превышает количество тех, кто не доверяет. Вероятно, это является следствием политического нейтралитета армии, который она неуклонно сохраняет все это время.

Окончательно девальвированными на “рынке” доверия оказались “акции” практически всех политических и общественных движений и организаций. Достаточно сказать, что по данным последнего опроса доверие к любым политическим партиям испытывают 4% респондентов, тогда как недоверие — 63%. То же самое касается профсоюзов: традиционным профсоюзам доверяют 12%, новым еще меньше — лишь 6%, тогда как не доверяют ни тем, ни другим 48% опрошенных.

Что касается социальных субъектов, действующих в сфере духовной культуры, то здесь традиционно положительное доверительное отношение сохраняется, несмотря на разногласия среди конфессий, к церкви и духовенству. Количество тех, кто доверяет им (30–35%), почти совпадает с количеством тех, кто не доверяет (26–32%), но ни разу в течение мониторинга показатель недоверия не превысил уровня доверия.

Сравнительно высокой оказалась степень доверия к средствам массовой информации, причем здесь наблюдается даже незначительная тенденция к увеличению доверия. Если, скажем, в 1994 году СМИ не доверяли

37% опрошенных, а доверяли лишь 20%, то в 2000-м это соотношение изменилось к лучшему и составляло 31% против 29%.

Изрядно разочарованные в помощи со стороны государства и общества люди обращаются со своей потребностью в доверии к Богу, причем уровень доверия к нему в последние годы возрос (с 60% и 56% в 1994 и 1995 годах до 67% в 1999-м и 68% в 2000-м). Только дальнейший мониторинг проблемы сможет определить глубину проникновения в общественную психику религиозных идей, но уже сейчас видно, что они в большой мере заполняют пустоту, образовавшуюся вследствие распада системы коммунистических идеалов и ценностей.

Главным полем реализации потребности в доверии стали для наших соотечественников межличностные отношения. По данным опроса 2000 года, семье и родственникам доверяют 93% респондентов; преобладает, хоть и не так очевидно, доверие над недоверием в отношениях с коллегами и соседями. Однако сужение поля доверия до пределов непосредственной микросреды может в перспективе поставить под угрозу существование украинского общества как единого целого.

К сожалению, наши исследования дают основания констатировать преобладание в общественном сознании состояния разочарования и безверия; в ходе всех опросов последних лет подтверждается вывод о существовании и довольно ощутимом распространении феномена “благоприобретенной беспомощности”, когда люди пассивно ожидают разрешения собственных проблем со стороны государства, Бога, развитых стран, способных предоставить помощь, и т.п. Речь идет об определенном типе сознания, ориентированного на действие внешних сил, от которых зависит определение жизненных перспектив и решение важнейших жизненных вопросов, что сопровождается уклонением от личной ответственности за собственную жизнь и судьбу, снижением жизненной активности и адаптационных способностей человека. Недоверие к власти и многим социальным институтам государства у пострадавшего населения парадоксальным образом сочетается с воспроизводством патерналистских ожиданий и неготовностью самостоятельно решать свои проблемы. В то же время результаты социологических исследований последних лет свидетельствуют о том, что большинство опрошенных при решении важных жизненных проблем надеются только на собственные силы или, в крайнем случае, на свое ближайшее окружение — семью, родственников, друзей. Тем не менее по-прежнему стабильно высокими остаются показатели общей и личной пассивности, нежелания предпринимать конкретные шаги для улучшения своего положения. Например, подавляющее большинство респондентов оценивает свое материальное положение как крайне неудовлетворительное, но при этом только менее половины из них декларируют свою готовность сделать что-то на практике для его улучшения и только пятая часть опрошенных настроены весьма решительно и вполне конкретно формулируют свою готовность к активным действиям, желание использовать те незначительные возможности для реализации личной инициативы, которые доступны на сегодняшний день в нашем посткоммунистическом государстве.

Тревожными показателями в общей картине социального самочувствия и психологического состояния населения Украины являются снижение из года в год количества оптимистов, то есть людей, положительно оцени-

вающих перспективы общественного развития и личной судьбы, верящих в возможность улучшения ситуации, в собственные силы, в достаточной степени удовлетворенных важнейшими факторами жизни, в том числе и своей отдачей на благо общества. В таких условиях продуктивной может стать актуализация веры, в том числе и религиозной, как ведущего социально-психологического механизма самоорганизации общественной жизни. Вера приобретает значение системообразующего принципа мировосприятия и миропонимания, учитывая информационное перенасыщение, что делает невозможным осмысление нового знания в привычных категориях, и принимая во внимание частичную дискредитацию рациональных приемов построения картины мира в условиях переходного периода. В процессе нормализации и согласования системы общественных интересов и регулятивов можно прогнозировать постепенный сдвиг в сторону более рационального, критического восприятия человеком официальных социальных ценностей в соотношении с индивидуальными интересами и ценностями отдельных людей и групп, но пока одним из определяющих способов самоорганизации общественной психики способна выступать именно вера.

Литература

1. *Эрвье-Леже Д.* Социология религии во Франции // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т.2. — С. 237.
2. *Аверинцев С.С.* Вера // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 77–78.
3. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. — К., 1996.
4. *Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В.* Пути и перепутья современной цивилизации. — К., 1998.
5. *Московици С.* Машина, творящая богов. — М., 1998. — С. 47–48.
6. *Фромм Э.* Иметь или быть. — М., 1990.
7. Новый тлумачний словник української мови у чотирьох томах. — К., 1998. — Т. 1. — С. 790.
8. *Степанов Ю.С.* Словарь русской культуры. — М., 1997. — С. 265–279.
9. Данные о методах исследования и выборке см.: Чернобыль і соціум. — К., 1999. — Вип. 5.